

Листопад

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Листопад ЛИСТОПАД

Я понимаю, время не задобришь,
не повернешь и не вернешь назад.
Но катит детства разноцветный обруч
мой золотой, мой милый листопад.
И говорит: «Немного погоди!»
И шлет вдогонку долгие дожди.

И прошлое вдруг стало возвращаться.
Гофштейн все тот же. Но понятней чуть.
И что-то снова говорит мне Шварцман,
И Галкин разъясняет жизни суть.
А я стою и слух мой напряжен.
Идет гроза и темен небосклон.

Есть у всего пределы и границы,
и надо полагаться на судьбу.
Пришла пора – висок мой серебрится,
морщины растекаются по лбу.
Но краски этой осени нежны,
и мне и всем они теперь нужны.

О листопад! Он все перелопатил,
и снова листья падают шурша.
И строчка в сердце, словно старый
дятел,
стучит. И открывается душа!
На лире струны напряглись как снасть:
ничто сегодня не должно пропасть.

1949

Перевод Р. Заславского

• ДЕТСТВО

Так со всеми. Всегда. До поры.
Я усну посредине игры.
Задремлю под напевы сверчка,
на открытой ладошке – щека.
Словно птица, проносится день –
и быстра и легка его тень.
Я за ним простодушно лечу
и живу, как могу и хочу.
Я построю мой дом из песка –
мне другого не нужно пока.
Пусть летят надо мною миры...
Я усну посредине игры.

1935.

Перевод Р. Заславского

* * *

Пахнут снегом далекие дали,
затянуло морозцем окно.
Хоть весной и уходят печали,
а зима хороша все равно!

И под снегом не вымерзли травы,
и под снегом ромашка жива...
Мне звезда подмигнула лукаво,
мне метель подсказала слова.

А на санках проносятся дети –
столько легкого, чистого в них!
И светлее немного на свете
от ребячьих забав озорных.

Как снежинки, проносятся даты,
вспоминаю и радость, и грусть...
Убегаю на лыжах куда-то,

упаду и опять подымусь.

День и зимний, и все-таки жаркий,
и опять мне одиннадцать лет,
и несет мне навстречу подарки
Дед Мороз, самый милый мой дед!

1939.

Перевод Р. Заславского

• **ДЕДУШКА ШИМОН**

Мне помнится рука
в мозолях твердых,
и два зрачка,
как два веселых черта.
Работал кровельщик вовсю –
железом крыл хоромы.
А хатку бедную свою
покрыл соломой.
Но улыбался он всегда:
– А так теплее!
Перезимуем – не беда:
уж мы сумеем! –
Его пиджак потерт слегка,
подшвы вовсе стерты...
Но полыхают два зрачка,
как два веселых черта!
Он говорил: – Вот благодать!
На крыше всех я выше.
А захочу – и протекать
тихонько станет крыша.
Капель закаплет –
динь-дилень! –
над головой у пристава.
И будет пристав целый день
орать неистово. –

На крыше, сидя на краю
и бороду ероша,
дед говорил: – За жизнь свою
я не краснею все же!
Скопил не много я пока:
внук – вот и все богатство!
Зато оно уж с молотка
не будет продаваться!
И мне, на зависть богачам,
всегда легко живется:
и сплю спокойно по ночам,
и не боюсь банкротства.
И ем, как люди, а не жру...
И бедность
поневоле
меня подымет поутру,
валяться не позволит:
водой колодезной вполне
прополощу я глотку,
но заработать нужно мне
на хлеб и на селедку... –
Дед Шимон, кровельщик,
старик,
работает на крыше –
и он, по-своему, велик
и очень многих выше.

1969

• БАЛЛАДА О КАСКЕ

В начале войны говорил мне комбриг:
«Надень эту каску в решительный миг,
тебя в этой каске, поверь, не убьют,
ты в ней возвратишься на Днестр и на Прут».
Не верю и верю, а каску ношу.
Сбывается слово: живу и дышу.
На камни смотрю, на деревья, траву.

Сбывается слово: дышу и живу.
Конечно же пуля не спросит: куда?
Но снова меня миновала беда.
И пуля, конечно, не спросит: кого?
А я все воюю, и мне – ничего.
Под Пештом и Будой лежать бы я мог,
вовек не увидеть к Берлину дорог,
свалиться бы мог у любого куста:
ведь смерть, как и жизнь, невозможно проста.
Но каска меня до конца берегла
от пули, осколка, от всякого зла...
Уходят седые комбриги в запас,
но добрый совет остается при нас,
и каска, как в сказке, доныне меня
хранит и спасает в огне от огня!

1945.

Перевод Р. Заславского

• НАЧАЛО ВЕСНЫ

Давиду Гофштейну

О, как возбуждена моя душа!
Смотри, как, звезды надо мной кроша,
ночь наплывает с четырех сторон
и – странно – только отгоняет сон.
Как хорошо бывает в этот миг
листать страницы самых милых книг.
Со мной – Гофштейн: наплыв знакомых
строф,
распев прозрачных «Зимних вечеров»...

.

Еще мое заклеено окно,
а март разлит повсюду все равно,
и птица машет весело крылом
на полпути меж солнцем и гнездом.

И тянет в лес. И хочется опять
намокшей веткой на мгновение стать:
Зеленый мир вошел в меня, трубя,
и вот я прорываюсь сквозь себя,
и улица врывается в мой дом,
и все — во мне, и я сама во всем!

1940.

Перевод Р. Заславского

* * *

Я проезжаю милую Волюнь,
я погружаюсь в тишину и синь.
И дивная весенняя пора
стекает строчкой с кончика пера.
Когда вокруг такая благодать,
ну как, скажи, печали воспевать?

О, сколько я бумаги извела!
Но летом тоже я не вспомню зла.
Зовет меня Урал, зовет Сибирь.
Как горько мне знакома эта ширь!
Но, столько летом света и щедрот,
что пусть печаль немного подождет.

Настала осень, на дворе темно,
и день и ночь дожди стучат в окно.
Ах, песня горькая, немного подожди —
и так меня замучили дожди.
Мне утешенье нужно в этот час —
и ни к чему о горестях рассказ.

Оставляю эту песню до зимы.
Но стих мой и зимой не любит тьмы,
он одолеть старается беду —
и я за ним потерянно бреду.
Пылает сердце, как в войну Волюнь,

но, видно, строчек горьких, как полынь,
я и сейчас окончить не смогу...

1948.

Перевод Р. Заславского

* * *

Ну, что я без народа моего?
Я без него не значу ничего,
и все мои успехи – чушь, безделки
и, как песчинки, призрачны и мелки.
Мне без него и слава не нужна,
я без него и одинока, и одна.

Мой стол от рифм сгибается с утра,
но все мои усилья – мишура,
пока народ меня не видит и не слышит.
Прошу деревья, ветер, травы: «Тише...»
Пускай мою строку услышит мой народ,
пусть строчка сердце чье-нибудь проймет!
Поэтом быть и радость, и беда:
за все, за всех в ответе я всегда,
за каждый стебель, к сроку не взошедший,
за чьи-то зябко дрогнувшие плечи,
за безнадежность женской седины
и за твою бессонницу и сны.
Ну, что я без народа моего?
Я без него не значу ничего.
И все мои успехи – так, безделки,
и, как песчинки, призрачны и мелки.
Мне без него и слава не нужна,
я без него и одинока, и одна.

1949.

Перевод Р. Заславского

* * *

Как деревья медленно растут!
Но зато упрямо и упорно
входят в землю, утолщаясь, корни.
Как деревья медленно растут!

Что бы ни ждало их впереди,
ты за них теперь уже не бойся:
встретят грудью долгие дожди
и холодных ветров беспокойство.

Пьют деревья теплый сок земли,
в желудях накапливают силы...
Вот еще немного подросли,
и шумней листва заговорила.

Что бы ни случилось, им опять
будет сниться небо голубое...
Важно верить. Важно понимать.
Важно видеть солнце над собою.

1959.

Перевод Р. Заславского

• МОЯ РОДИНА

Слышите? Играют в колосьях ветры...
Видите? У солнца
миллион лучей...
Родина! С любовью
самой беззаветной
Обращаюсь к каждой
ласточке твоей.
У реки прозрачной
в украинской хате
Я встречала детства
синюю весну.

Здесь я песню первую
спела на закате
И от чувства светлого
не могла уснуть.
Я люблю над крышами
голубей круженье,
Полыханье вербы
в марте на заре,
Я привыкла с детства
видеть отраженье
Глаз моих коричневых
в голубом Днепре.
Цвет каштанов нежен,
розоват и тонок,
По ночам он ясным
огоньком дрожит.
Я люблю руками
трогать, как ребенок,
Все, что в этом мире
мне принадлежит.
Родина, возьми же
вдохновенья силу,
Две руки, привычных
к честному труду!
Я и рожь косила,
я и хлеб месила,
Я и меч ковала,
плавил руду.
И тебе, Отчизна,
искренние песни
Я пою бесхитростно,
как степной рожок.
Пусть они крылато
плещут в поднебесье,
Пахнут, как рябины,
терпко и свежо.
Пусть они из сердца

родниками льются,
Напоят подснежник,
почки острое,
Пусть они, как люди,
плачут и смеются,
Все, что я имею,
Родина, – твое!

1960

Перевод Ю. Мориц

* * *

На меня надвигаются рвы,
на меня надвигается время,
и опять я одна и со всеми:
вы погибли, но вы не мертвы.
Эта память во мне навсегда,
эта кровь никогда не сотрётся,
я напиться боюсь из колодца:
я не знаю, где кровь, где вода.
Четверть века мне снится тот год,
четверть века со странной улыбкой
мне навстречу Хануся идёт;
прижимая к груди своей скрипку.
Страшный ров. Осыпается край...
С каждым днем её песенка тише.
Но играй, всё равно ты играй,
Потому что мы помним и слышим...

1966.

Перевод Р. Заславского

* * *

Я привязана к старым вещам,
слышу голос их добрый и вещей.
Сын смеется:

– Да это же хлам!
Ну зачем тебе старые вещи?
Этот стол:
он нелеп и велик.
Эти линии вряд ли модернисты... –
Но лежит на столе черновик,
ты его не заметил наверно, наверно.
Я всю жизнь провела у стола,
За его полированной глыбой.
Я бы рифмы найти не могла
без его невеселого скрипа.
Это с виду он кажется прост:
ножки,
ящики,
тумбочки,
дверцы,
Для меня же он времени мост,
путь-дорожка
от сердца до сердца.
Я за ним не смыкала очей.
Пусть скрипит он,
и плачет,
и стонет.
О товарищ бессонных ночей,
На тебя возлагаю ладони!
Я рабыней вещей не была
никогда.
И не буду вовеки.
Но, как скрипка, душа у стола.
и поверхность –
подобие деки.
Он мелодию строчки повел.
Я услышала: дрогнули губы.
С добрым утром, мой письменный
стол!
Вы смеетесь?
По-моему глупо.

1952.

Перевод Р. Заславского

* * *

И только я приму за пламя лёд –
он, как огонь, ладони обожжёт.
А белым цветом чёрный назову –
и всё светлее станет наяву.
Пускай порой не вижу я ни зги,
но снова слышу лёгкие шаги...
О, вымысла мучительная власть,
когда же я тобой натешусь всласть?!

* * *

Перо – в руке, в чернильнице – чернила.
Но нелегко словам набраться силы!
Пускай же зреют медленно во мне,
как зёрна в черноземной глубине.
И пусть наружу вырвутся, когда
и вправду в них появится нужда!

1968.

Перевод Р. Заславского

• **ЧИТАЯ «ДНЕВНИК АННЫ ФРАНК»**

Не из пены морской возродиться хочу,
А из пепла, из серого пепла.
Я еще улыбаюсь
и даже шучу,
как ни кажется это нелепо.
На песке отпечатки точны и ясны.
Каждый шаг –
след кровавый и липкий.
Через тысячу лет
в вашу жизнь, в ваши сны

мои слезы войдут
и улыбки.
Вы увидите пламя
потухших печей,
вы услышите голос
с хрипотцей,
и петля,
захлестнувшись на шее моей,
и на вашей
на миг
захлестнется.
Все смешается вдруг:
и заря, и закат,
станут призрачны
даты и сроки...
Как глаза,
Удивленные звезды глядят
На мои посеревшие щеки.

1963.

Перевод Р. Заславского

* * *

До самой смерти будем мы детьми,
Наш дух не постареет.
И молодое серебро зимы,
Как в детстве, нас согреет.
Её просторный голубой огонь
Над миром замерцает.
Опустится снежинка на ладонь
И вмиг растает...
От белизны январского холста –
Домой – к другому чуду:
Там поле белого тетрадного листа
Не вспахано покуда,
Две бессловесности, две немоты.

И обе правы...
Но дышат сквозь холодные пласты
Слова и травы.

1973.

Перевод К. Билич

* * *

Женщины рожают... Сколько боли!
Эта боль у всех у них одна:
в тюрьмах ли рожают иль на воле,
кожа их бела или черна.

Эта боль навек. Не потому ли
даже нынче, тридцать лет спустя,
все в кого-то пущенные пули,
кажется, летят в моё дитя.

Да в моё ли? Здесь чужого нету!
Как арабских ребятишек жаль!
И терзает сердце до рассвета
по еврейским – горькая печаль...

Не хочу! Не допущу! Поймите!
Наши дети гибнуть не должны!
Люди, добротой перекройте
смердное дыхание войны!

1975.

Перевод К. Билич

* * *

Ты душу мне поджёг.
И в пламени скользя,
Мне без тебя, мой бог,
Как без стихов, нельзя.

Я слишком много лет
Была святых святей,
Мучительный ответ
Ища среди людей.

Что сердцу и уму
Досада и упрёк?
И вечным «почему»
Сегодня кончен срок.

Настало – маску снять,
В открытую глядеть.
Тебе повелевать
Моей душой впредь.

Перевод М. Дудина

* * *

А ты прости сейчас меня, тоску и зависть извиня.
Насколько же твоя жена счастливее меня.

Она в сравнении со мной – как жухлая трава,
Но что поделаться, – у неё есть на тебя права.

И незачем качаться ей рябиной на ветру,
Вести с душой и молвой позорную игру.

А у меня в плохой игре всегда весёлый вид,
Хоть ночи длинные мои проплаканы навзрыд.

Любить – не только счастьем жить, тревогу утоля.
Моя любовь на мне лежит, как на плечах петля.

Перевод М. Дудина

* * *

Я для тебя сгорела навсегда,
И этот свет остался одиноким.
Ты стал теперь мне дорог, как звезда

Своим огнем, холодным и далёким.

Перевод М. Дудина

* * *

Мне кажется порой, что расстояний нет.
Есть бунт в крови, молчание – в ответ.
Не надо глаз. Как скульптор, поспеши
Прочесть душой лицо моей души.
Коль можешь, изваяй мне сердце изо льда,
Чтобы растаяло оно слезою без следа.

Дошло к тебе, сверкнуло вдалеке
Солиной счастья на моей строке.
Ах, глупый мой, ты ищешь ложный след:
Есть только я, все остальные – бред.

Перевод М. Дудина

* * *

Тик-так!
Тик-так!
Это сердца мерный такт.
Мне тревожно и легко.
Ходят песни высоко.
Песни чистые летят
От обид и от досад,
Бьются сердцу в унисон,
Стерегут мой легкий сон.

Тик-так!
Тик-так!
Это сердца мерный такт.
Скоро восемь. Ну и что ж!
Все равно ты, сердце, ждешь.
Ждешь, уставши от потерь, –
Ты придешь, откроешь дверь.

Тик-так!
Тик-так!
Сердце мечется не в такт.
Счастье милое двоих.
Чуть касаюсь губ твоих.
Сердце легкое, беда,
Улетает в никуда.
Хорошо, что я поэт, –
Для меня границы нет.

Перевод М. Дудина

* * *

Идет гроза, и дождь прядет волокна,
Косые струи барабанят в окна,
Бьют в медь дверей настойчивой рукой.
Пусть мне в поводыри приходит непокой.
Мужают люди под грозой самой.
Омытый ливнями, свежее свет земной.
Бой закаляет нежность. Мир таков, –
Он штормом учит юных рыбаков.

Перевод М. Дудина

Ри́ва Нау́мовна Баля́сная (идиш ריבא נאומאָוונאַ באַיאַנסאַ [2], 8 марта 1910, Радомысль, Российская империя – 1 октября 1980, Киев, УССР) советская еврейская поэтесса. Писала на идише. Goşgular